

УДК 165.17

Мотовникова Елена Николаевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и теологии
Белгородского государственного национального
исследовательского университета

Н.Н. СТРАХОВ И ЕГО УЧЕНИКИ: ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ОБЩЕНИЯ [1]

Аннотация:

В статье рассматриваются творческие отношения Н.Н. Страхова с представителями следующего поколения русских философов, В.В. Розановым и Ю.Н. Говорухой-Отроком. Анализируются герменевтические установки в общении учителя с учениками и их пределы. Показано сочетание принципов свободы и ответственности в передаче традиции философского критического мышления и литературной «органической критики».

Ключевые слова:

Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, Ю.Н. Говоруха-Отрок, русская философия, литературная критика, философская публицистика, герменевтика.

Motovnikova Elena Nikolayevna

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Philosophy and Theology Department,
Belgorod State National Research University

NIKOLAY STRAKHOV AND HIS FOLLOWERS: HERMENEUTICAL FRAMEWORK OF COMMUNICATION [1]

Summary:

The article deals with the study of creative relationship between Nikolay Strakhov, Vasily Rozanov and Yury Govorukha-Otrok as typical representatives of two generations of Russian philosophers. The author analyzes the hermeneutical framework and its limits in the dialogue of a teacher with his students. The combination of the principles of freedom and responsibility in the transfer of the tradition of philosophical critical thinking and "natural criticism" in the literature is shown in a number of cases.

Keywords:

Nikolay Strakhov, Vasily Rozanov, Yury Govorukha-Otrok, Russian philosophy, literary criticism, philosophical journalism, hermeneutics.

Николай Николаевич Страхов (1828–1896) как опытный критик и публицист интересовал в 80–90-е гг. XIX в. многих молодых журналистов со склонностью к философскому литературоведению – в том числе благодаря все более успешным переизданиям своих работ за многие годы в книжных сборниках статей (три книжки знаменитой «Борьбы с Западом», «Из истории литературного нигилизма», «Критические очерки» в двух томах и другие). Страхов не навязчиво, но внимательно и заботливо помогал им войти в журналистику, найти свой стиль, тему, свое лицо. Семейный, в отставке, похоронивший к концу 1880-х гг. нескольких важнейших в своей жизни собеседников, Страхов радовался появлению в столичных журналах новых серьезных, уважающих традицию и мыслящих самостоятельно в религиозно-консервативном направлении писателей, критиков, публицистов.

Среди самых талантливых молодых поклонников и единомышленников Н.Н. Страхова – Василий Васильевич Розанов (1856–1919) и Юрий Николаевич Говоруха-Отрок (1854?–1896) [2, с. 5]. Талант их был особенно близок умонастроению Страхова кроме серьезности, чуткости и глубины мышления именно наклоном к герменевтическому проникновению в замысел и предпосылки анализируемого произведения и его автора. В этом ключе они оценивали и работы друг друга в журнальных разборах, этим развивающимся «взаимоисследованием» полны их письма друг к другу, такие привлекательные и поучительные своей герменевтичностью. При этом отношения их живые, не гладкие, каждый индивидуально и открыт, и закрыт для другого.

В.В. Розанов почти всегда восхищался книгами и статьями Страхова, своего «крестного отца» в литературе. Признавая безусловный авторитет личности Страхова, его превосходство как классика, опытного ученого, философа, эрудита и мудреца, он позволял себе лишь уточняющие вопросы, (например, по поводу К.Н. Леонтьева), не спорил, а пытался понять позицию Страхова, его мотивы, предпосылки, аргументы и так до конца понять не мог, но всегда признавал и соглашался с чужой правдой.

Публичную критику страховского любимца Л.Н. Толстого Розанов позволил себе еще при жизни Страхова (статья «Два исхода», 1891), но тут же и искренне раскаялся, особенно прочитав «Толки о Л.Н. Толстом»: «...Простите мне в высшей степени неудавшийся фельетон от Толстом, за кот[орый] у меня краска залила лицо, когда я начал только читать Вашу статью» [3, с. 275]. Страхову действительно приходилось неоднократно прощать стихийность, неуправляемость Розановского таланта за необыкновенную точность его интуиции. Особенно он был удивлен, когда прочел в статье Розанова упрек в недоговоренности по отношению к читателям, в «нежелании обнаружить самые заветные, быть может, из своих убеждений перед толпой», в стремлении

«быть непременно только разумным, всегда правильным, размеренным, добродетельным» [4, с. 104–105]. Удивительное состояло в том, что подобные же предложения «рассказывать себя, выйти перед читателем без мундира и без орденов» неоднократно высказывал Л.Н. Толстой, обладавший высочайшим для Страхова нравственным и писательским авторитетом. Совпадение мнений столь несхожих между собой своих почитателей заставило Страхова «прилежно думать» над этим, и в итоге он пишет Толстому одно из самых своих длинных исповедальных писем, в котором старательно и подробно разъясняет невозможность выполнить пожелание. «Ведь моя объективность и есть выражение моего ума, моей природы [5, с. 909]. <...> Рассказывать эту постоянную борьбу, иногда очень горькую и противную, я считаю вовсе не нужным, не нахожу ее для самого себя занимательною [6, с. 910]. <...> А что я не высказываюсь до конца, то ведь потому, что это гораздо труднее, чем полагают те, кто этого требует» [7, с. 911].

В письме к Розанову, написанном чуть позже, Страхов уже ни в какие объяснения не вдаётся, пишет только: «Мне показалось странным выражение *пленка благоразумия*, но я очень хорошо понял, что Вы хотели сказать. Все-таки за указание моих недостатков я Вам благодарен – Вы правы, хотя я смотрю на дело несколько иначе» [8, с. 111–112]. Издавая письма Страхова в 1913 г., Розанов написал в комментарии к «пленке благоразумия»: «...упрек или полу-упрек молодой и неопытный. Кто без “пленки благоразумия” проживет, если он не свободен, если вступает в многообразные с людьми связи и отношения <...>. Таким образом, невозможно за “пленку благоразумия” упрекать человека, как горло и легкие нельзя упрекать, если они кашляют от пыли, – и нельзя упрекать вообще *существо человека* за его болезни и слабость» [9, с. 111]. Переписка Толстого и Страхова была опубликована в следующем, 1914 г., но в нее не попало цитированное письмо, в котором зрелый Розанов мог бы прочесть подтверждение правильности своего позднего понимания страховской сдержанности, органической чуждости для него экзистенциального стиля письма. Вряд ли они могли вполне понять друг друга в 1892 г.

Н.Н. Страхов высоко ценил критические статьи Ю.Н. Говорухи-Отрока, для которого сам был одним из главных людей в жизни, поскольку непосредственно представлял в своем лице и «Время» и «Эпоху» Ф.М. Достоевского, и «органическую критику» Ап. Григорьева, и теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского – всех тех, кто внес основной вклад в перевоспитание бывшего народника-революционера в православного консерватора. Благодаря личному знакомству и общению со Страховым Говоруха-Отрок углубился и в философию [10].

Ю.Н. Говоруха-Отрок с 1889 г. вел постоянную рубрику «Литературные заметки» в газете «Московские ведомости», в которой он опубликовал несколько статей, посвященных книгам Страхова, и после его смерти успел трижды посвятить рубрику Страхову: некролог 27 января, большой очерк 1 февраля и 20 июня, за месяц до своей смерти, – рецензию на первую биографию философа, критико-биографический очерк о Страхове Б.В. Никольского (1870–1919), еще одного его молодого почитателя из когорты переболевших левизной консервативных литераторов [11].

Став консервативным православным монархистом, Говоруха-Отрок тонко чувствовал неортодоксальность страховских текстов, его умную ересь, на которую указывал так же тонко и умно. «Можно в ином не соглашаться с почтенным автором, но мысль его всегда ясна и понятна, так что спор с ним сам собою принимает правильное течение и потому служит лишь к большему выяснению дела» [12, с. 291], – писал он в 1892 г. по поводу религиозно-нравственной концепции, изложенной Страховым в статье «Справедливость, милосердие и святость». Что же Говоруха-Отрок находит спорным у Страхова, выделяющего три ступени нравственного совершенствования личности? «Главное дело в том, что хотя доброта сердца, милосердие, любовь к ближним свойственны даже и поврежденной природе человеческой, но для этой поврежденной природы они не имеют *принудительной силы*» [13, с. 293]. Соглашаясь с автором в том, что совершенство святости состоит в свободе от всякого страха, кроме Бога и совести, Говоруха-Отрок настаивает, что «без веры невозможен страх Божий, без него невозможны ни любовь, ни святость...» [14, с. 299].

Еще более показательна герменевтическая чуткость Говорухи-Отрока в его трактовке смысла страховских «Воспоминаний о поездке на Афон». Перед первой журнальной публикацией этого очерка в 1890 г. Страхов писал Толстому, что замысел его «в сущности, есть маленькая защита монашеской жизни» [15, с. 390]. А после сожалел, что его апология монашества наивно принята читателями за исповедание православия: «...Мне было очень совестно, когда Александра Андреевна [16] и разные другие благочестивые люди причисляли меня к своим. Перед Ал. Андр. я прямо отрекся: “нет, графиня, я нигде не выразил, что я верующий”. – Чувствовал я, что Поездка Вам не может понравиться; но как из церковно-верующих никто (впрочем, кроме Ольги Александровны [17]) не заметил, что Поездку писал не верующий?» [18, с. 405]. Когда же в 1892 г. Страхов включил «Поездку на Афон» в сборник «Воспоминания и отрывки», Ю. Николаев (псевдоним Говорухи-Отрока) в своей рецензии на книжку выбрал для подробного рассмотрения именно этот очерк

и назвал статью недвусмысленно: «Мнение светского писателя о монашестве». Изучив мотивы путешествия, он одобрил их: «Если народ наш *паломничает* на Святую гору, пусть наши образованные люди *пока* хотя только изучают Афон. И это уже будет шагом вперед» [19, с. 305].

Ю. Николаев усиливает мысль Страхова о том, что мирским людям жизнь монахов часто представляется путем мучительных лишений – как будто удовлетворение плотских потребностей действительно составляет главную радость жизни. Приводит Ю. Николаев и итоговое впечатление путешественника – признание, что воспоминания о пребывании на Афоне вызывают умиление и «то чувство, которое так ярко горит на Афоне, – жажду молитвы» [20, с. 311]. В тоне и построении всего этого изложения критик сохраняет ощущение дистанцированности автора («светского писателя») от афонской монашеской жизни, его позицию внимательного и чуткого наблюдателя, проникающего в чужую жизнь, но не паломника, «жажду молитвы», но не молитву. «Вот какое впечатление от соприкосновения с Афоном вынес один из образованнейших русских людей...» [21, с. 311], – заканчивает Ю. Николаев свой очерк. Похоже на то, что Говоруха-Отрок лучше многих распознал религиозную проблему Н.Н. Страхова, помешавшую органичному слиянию его скептического духа с духом Святой горы.

Ю.Н. Говоруха-Отрок и В.В. Розанов много спорили между собой, обнаруживая сходства и противоречия в понимании литературных явлений; на почве спора они и познакомились по переписке, а затем и лично, и подружились. «Я очень рад, что случай дает мне возможность хотя письменно вступить с Вами в непосредственные отношения. Из моих статей Вы, вероятно, уже заметили, что Ваши работы возбуждают во мне живейший интерес. У нас с Вами много точек соприкосновения и даже, в сущности, одна общая идея, из которой мы оба исходим; но о Гоголе – конечно, мы стоим на разных концах, хотя, возможно, кончим тем, что и здесь сойдемся...», – приветливо писал Говоруха-Отрок из Москвы в Елец Розанову [22, с. 440].

В этом споре о Гоголе Розанов просил быть судьей Страхова: «Если б Вы мне написали – угадал ли я? <...> Очень, очень верю я, что разобрал внутренность Гоголя верно. “Вот, это сам Бог дал мне дар по читаемому разгадывать душу пишущего” (Вы мне так писали и говорили), сказал я, посылая статью в “Московские ведомости”, и на разгадку Гоголя, такого великого и могущественного писателя – смотрел как на указание свыше» [23, с. 262–263]. И Говоруха-Отрок тоже апеллировал к авторитету Страхова: «По поводу нашего спора о Гоголе Страхов мне пишет: “У Гоголя взгляд зрелого, крепкого, строгого человека без нежничанья и малодушной сантиментальности”. Подумайте над этим» [24, с. 451], – призывает он Розанова.

Интересно, что в этом «треугольнике» Розанов воспринимал и вспоминал через многие годы Говоруха-Отрока не как своего ровесника, а отчего-то относил его к «отцам», к поколению Страхова и Толстого. Говоруха – «больше наш, чем великолепный и ученый Страхов, хотя он и не так солиден и надежен» – сравнивал он их образы в 1913 г. [25, с. 443]. А в примечании к фрагменту письма, в котором Говоруха-Отрок высказывал намерение написать монографию о Гоголе, Розанов еще более конкретен в обосновании своего недоверия к этому замыслу, даже ретроспективно: «Едва ли бы что-нибудь вышло из этой “монографии”, самой фактической, самой подробной, если бы ее написал умный и талантливый, но “все же человек 60-х и 70-х годов”, Говоруха-Отрок. “*Не убо прииде час...*”. Всякому сроку историческому своя *мера понимания*. Еще не раскрылось ухо для Гоголя, не разверзлось *обоняние* для его тайн... И Чернышевский, и Добролюбов, и теперь Овсянко-Куликовский, и раньше Страхов или Говоруха-Отрок – *разве не искренни были* в уразумении Гоголя как “великого *реалиста*” и как бесстрашного “гражданина-обличителя” и “христианина-проповедника”...» [26, с. 440–441].

А ведь Ю.Н. Говоруха-Отрок старше В.В. Розанова всего на несколько лет. Отчего же он казался ему таким «старым»? Почему был помещен в круг людей, с которыми – Розанов об этом писал еще в некрологе 1896 г. – у Говорухи-Отрока было так мало общего: «В его писаниях общество, его судьба, тревога об его будущем не занимают никакого места... Он весь был погружен в то единственное, что в истории, в народе можно было созерцать под углом вечности в человеке. <...> Человек, его лицо, его сердце, и никогда “человечество” 60-х годов – его занимало. И в этом он представляет собою заметное и ценное звено перехода тех лет в нечто новое и противоположное» [27, с. 463].

Если Н.Н. Страхов на пороге семидесятилетия понимал, что его время в журналистике закончилось и все больше уединялся в своих философских занятиях, если сорокалетний В.В. Розанов, напротив, был на пороге выхода на новый виток творчества, «в нечто новое и противоположное», то судьба Н.Ю. Говорухи-Отрока оборвалась внезапно, перечеркнув его замыслы развития традиций «органической критики» в новом веке. Несмотря на столь различные мировоззрения, исторические и литературные судьбы, Страхов, Говоруха-Отрок и Розанов представляют единое направление, надолго забытое в XX в., почти не известное широким кругам специалистов, не говоря уже о публике. Интерес к нему, однако, уже возродился и растет, обещая немало новых открытий в истории русской мысли и слова.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ проект № 13–03–00336 «Концептуальный каркас культурно-исторической эпистемологии и современные тенденции в методологии гуманитарных исследований».
2. Каплин А.Д., Гончарова О.А. Предисловие // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. М., 2015. С. 5–26.
3. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым // Розанов В.В. Собрание сочинений. Т. 13. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 5–315.
4. Идея рационального естествознания // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913. С. 65–106.
5. Л.Н. Толстой – Н.Н. Страхов: полное собрание переписки : в 2 т. Т. 2. М., 2003.
6. Там же.
7. Там же.
8. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым.
9. Там же.
10. См.: Каплин А.Д., Гончарова О.А. Указ. соч. С. 19–20.
11. Никольский Б.В. Н.Н. Страхов. Критико-биографический очерк. СПб., 1896.
12. Говоруха-Отрок Ю.Н. Любовь и страх. (По поводу статьи Н.Н. Страхова «Справедливость, милосердие и святость») // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 289–298
13. Там же.
14. Там же.
15. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894. СПб., 1914.
16. Графиня А.А. Толстая, тетка Л.Н. Толстого.
17. Данилевская, вдова Н.Я. Данилевского.
18. Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. 1870–1894.
19. Говоруха-Отрок Ю.Н. Мнение светского писателя о монашестве (Н. Страхов. Воспоминания и отрывки) // Говоруха-Отрок Ю.Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея. С. 299–311.
20. Там же.
21. Там же.
22. Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. С. 437–454.
23. Переписка В.В. Розанова с Н.Н. Страховым.
24. Ю.Н. Говоруха-Отрок в нескольких письмах.
25. Там же.
26. Там же.
27. Розанов В.В. Вечная память. 24 января – 27 июля 1896 г. // Розанов В.В. Литературные изгнанники. Т. 1. С. 455–531.